

ИСЛАМСКИЙ МОТИВ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИМФОНИИ

ФАРХУТДИНОВА

Фения Фарвасовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры практического русского
языка, Ивановский государственный
университет (153025, г. Иваново,
ул. Ермака, д. 39).

E-mail: fenfar@mail.ru

Аннотация. Опираясь на широкий фактический материал, извлеченный из Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов, статья показывает, как отдельные факты исламской культуры, отраженные в словах русского языка, воспринимаются русскоговорящим сообществом и какую оценку они при этом получают.

Ключевые слова: словарный состав языка, оценочное значение, конфликт культур, диалог культур.

Язык часто уподобляют зеркалу, в котором отражается мир. Однако свойством зеркала обладает только одна часть языка — его словарный состав, который называет то, что есть в окружающей действительности и в духовном мире людей, говорящих на данном языке. Но словарь, в отличие от зеркала, не просто отражает видимое, но еще и содержит его оценки, характеристики, а также хранит для нынешних и будущих поколений знания и представления носителей языка — говорящих на нем людей. Так, годовалый малыш, который еще не осознает окружающее с помощью слов, благодаря этой функции словаря — быть накопителем информации — спустя десятилетия сможет узнать сущность таких реалий сегодняшнего дня, как арабская весна, сурковская пропаганда, честные выборы, стали более лучше одеваться¹, принуждение к миру, Евромайдан, титущки² и др. Кумулятивная функция словарного состава языка позволяет увидеть и другое, например, перемены, происходящие в мире и в человеке под влиянием других культур, нередко воспринимаемых как чужие

¹ <http://www.rb.ru/article/samye-populyarnye-slova-2011-goda-po-versii-rbru-vid-eo/6848377.html>

² <http://www.rb.ru/article/samye-populyarnye-slova-2011-goda-po-versii-rbru-vid-eo/6848377.html>

и даже чуждые. Естественно, что увидеть это можно только в том случае, если анализировать не единичные (рассмотренные изолированно) слова, а различные смысловые объединения — тематические группы, лексико-семантические группы, ассоциативные ряды и семантические поля, сформировавшиеся на пересечении разных концептуальных и языковых картин мира. В нашем случае это будут лексические единицы и устойчивые словосочетания, обозначающие реалии исламской культуры, вошедшие в российскую культуру через иноязычное и/или русское слово: ислам — исламский — исламист, мусульманин — мусульманский, халяль — халяльный, хиджаб, шахид — шахидка и подобные. Как представляется, наблюдения над их семантикой через контексты словоупотреблений позволяют объективно описать не столько исламский мотив, сколько отдельные исламские ноты в современной российской культурной симфонии. Отметим, что интерес к подобным словам исторически оправдан и объясним. Особо оговорим следующее: нас интересует не лингвистический феномен заимствования слов, связанных с исламом¹, не взаимосвязь языка и религии², а возможность квалифицировать через речевые высказывания (тексты) восприятие отдельных реалий ислама русскоговорящим сообществом. Иначе говоря, в работе была поставлена цель — показать, как отдельные факты исламской культуры, отраженные в словах русского языка, воспринимаются русскоговорящим сообществом и какую оценку они при этом получают. Избранный нами аспект анализа можно охарактеризовать как лингвокультурный.

Политика антирелигиозности, проводившаяся в Советском Союзе на государственном уровне, опиралась на идеологию, призванную, среди прочего, воспитать материалиста-атеиста. По утверждению отечественных социологов, для советского общества были характерны и «религиозный индифферентизм», и «воинственно-атеистическое мировоззрение»³. Очевидно, что это мнение характеризует некие крайние образы усредненного советского человека и, например, в последние годы существования СССР большинство его граждан, независимо от этнической принадлежности, относилось к вере в Бога как к анахронизму, а к верующим — как к людям отсталым, косным, «темным». Так, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) — «информационно-справочной системе, основанной на собрании русских текстов в электронной форме»⁴, насчитывающей почти 500 миллионов слов русского языка, — встречаем следующие словоупотребления из текстов художественной

¹ Об этом можно найти материал в таких интересных диссертационных исследованиях, как Александрова О.И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: дисс... канд. филол. наук. — М., 2010; Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси. — Казань, 2011.

² Мечковская Н.Б. Язык и религия. — М.: Агентство «ФАИР», 1998.

³ Левада Ю. Религия // 50 / 50. Опыт словаря нового мышления. — М.: Прогресс, Пайо. 1989. С. 262.

⁴ <http://www.ruscorpora.ru/>

литературы 80-х годов XX века, подтверждающих это: «Федя пришёл домой, взял лист бумаги и написал на нём: *«Бога нет»*. (И. Грекова. Фазан); *«Кошунственный лист бумаги — «Бога нет» — Федя запер в свой ящик шкафа.* (И. Грекова. Фазан); *«Это был их с мамой секрет. Что бога нет, а есть жизнь. Следующим летом он много её повидал, жизни.»* (И. Грекова. Фазан); *«Он украдкой положил туда же секретный лист: «Бога нет».* (И. Грекова. Фазан); *«Таким образом, я, стремительно выскочив из-за большой курьей ноги «готовая и к смерти, и к бессмертной славе», орала во всё горло: «А твой бог — дурак! Бога — нет!» Язык мой не отсыхал, молнии не испепеляли, и я никуда не проваливалась, что и укрепляло меня в моём вульгарном атеизме»* (Марина Палей. Поминование (1987)¹.

В современной Российской Федерации, вне всякого сомнения, произошли кардинальные перемены в отношении к религии. Об этом свидетельствуют как факты реальной действительности, так и факты языка, их отражающие. Один из них — тематическая группа слов-названий государственных праздников Российской Федерации, существенно отличающаяся от того, что было в СССР тех же 80 — х, когда красными днями календаря были следующие праздники: Новый год — 1 января; Международный женский день — 8 Марта, День международной солидарности трудящихся — 1–2 мая, День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов — 9 мая; День Конституции СССР — 7 октября; Великая Октябрьская социалистическая революция — 7–8 ноября.

В ряду государственных праздников Российской Федерации появились православные праздники, ставшие «красными днями» календаря, — *Рождество* и *Пасха*. Оба слова вернулись в активный словарь русского языка и «обросли» целыми рядами устойчивых словосочетаний, которые в недавнем советском прошлом характеризовали реалии другой — досоветской — истории или «не нашей» — западной — жизни: *пасхальные каникулы, пасхальные яйца и куличи* (в советское время кулич именовался словосочетанием *кекс весенний*), *пасхальная служба; рождественские праздники, рождественская звезда, рождественская ёлка, рождественские каникулы, рождественская неделя* и т. д.

Показательно, что среди красных дней общероссийского календаря нет мусульманских праздников, названий которых рядовой (обычный) носитель русского языка не знает. Почему? Видимо, одна из причин кроется в том, что в текстах русскоязычных СМИ и Интернета главные мусульманские праздники называются по-разному: по-тюркски (*Ураза-байрам, Курбан-байрам*), по-русски (*Праздник разговения, Праздник жертвоприношения*), а также по-арабски (*Ид аль-Фитр* и *Ид аль-Адха*). Национальный корпус русского языка показывает, что, как правило, в одной фразе журналисты и публицисты употребляют какие-либо два из трех названий либо сразу все три названия: *Праздник жертвоприношения*

¹ [http://www.ruscorpора.ru/](http://www.ruscorpورا.ru/)

(*Ид ал-адха*, татарское название — *Курбан-байрам*) (Мусульманские праздники // «Отечественные записки», 2003); Во вторник весь мусульманский мир начал отмечать *праздник жертвоприношения Курбан-байрам*. (Александр Богомолов. Мусульмане пустили кровь и раздали милостыню (2003) // «Известия», 2003.02.11)¹. Такая вариативность наименований, как и то, что праздники являются государственными лишь в тех регионах, где преобладает мусульманское население (Башкортостан, Дагестан, Татарстан), объясняет нам, почему эти слова не вошли в активный словарный состав русского языка: существующая конкуренция названий (три слова претендуют занять единственное место в словарной системе) воспринимается как знак чужого и чуждого. Именно поэтому ни от одного из этих названий в русском языке не возникло ни одного производного слова (по типу христианских названий *Рождество рождественский*, *Пасха — пасхальный*). Сам факт — отсутствие собственно русских слов, образованных от уже существующих тюркских или арабских, — говорит о низкой значимости этих явлений исламской культуры (названий праздников) для русскоговорящего населения Российской Федерации.

В большинстве регионов страны названные мусульманские праздники, оставаясь незаметными для россиян, всё же вызывают у их части определенное недовольство. В первую очередь недовольство порождено обрядом заклания жертвенных животных. Если, например, десятилетие назад говорилось о недопустимости его проведения в городской черте (на территории мечетей и возле них), что было учтено представителями мусульманской *уммы*, то теперь звучат голоса с требованием запретить сам обряд. Отметим, что законодательно подобные жертвоприношения не запрещены, а мусульманские общины согласились проводить обряд в строго определенных местах за пределами городов. И правило это в основном соблюдается. Однако в 2012 году группа граждан обратилась в Общественную коалицию защиты Москвы с письмом, где назвала «ритуальное убийство животных» «варварским обычаем, оскорбляющим чувства огромного числа россиян», обычаем, «недопустимым в цивилизованном государстве XXI века»². Но не только этот обряд раздражает немусульманскую часть российского общества. В мегаполисах и больших городах праздничные и пятничные молитвы в мечетях оцениваются жителями городов негативно: из-за них затрудняется движение личного и общественного транспорта, само скопление верующих вокруг мечетей (а это в большинстве своем мужчины с неславянской внешностью) воспринимается как нечто чужое и чуждое. Вообще вызывают раздражение даже мелодика азана и коранического текста, читаемого вслух, как и сама нерусская речь. Приведем пример из статьи А. Романова «Курбан-байрам в Москве и Казани отметили по-разному»: «Кур-

¹ <http://www.ruscorporu.ru/>

² <http://golosislama.ru/news>. — Режим доступа 8 октября 2012 г.

бан-Байрам на «Новослободской»... Их никогда не было слышно. А теперь их слышно! В шумном городе!.. Это так страшно, такие зомбирующие пенния!» — сообщила источнику очевидица события»; «Мусульмане празднуют сегодня Курбан-Байрам! Это, конечно, здорово, но сегодня в метро чувствовал себя, как будто я на Ближнем Востоке!»¹. Приведенные цитаты — в скрытой форме выраженное неприятие исламского, чаще всего высказываемого с помощью оборота *понаехали тут*. Но подобное отношение к не своей культуре (в первую очередь, исламской) нельзя считать чисто российским феноменом. Оно характерно и для Европы, что показал в свое время Т. А. ван Дейк, изучавший этнические предубеждения в голландском обществе², а потом подтвердили результаты многочисленных референдумов (о возведении минаретов в Швейцарии, о ношении хиджабов во Франции) или запрет мусульманкам носить платки в школах Российской Федерации (действует в большинстве регионов с 2013 г.).

Праздничная исламская нота в российской культурной симфонии звучит не самым праздничным образом и потому, что праздники не являются государственными, что прямые трансляции с праздничных богослужений обрамляются рекламными роликами, которые нередко своей формой и содержанием вступают в противоречие с содержанием и духом праздничной проповеди и однозначно говорят о том, что мусульманин-налогоплательщик не имеет возможности посмотреть полноценную исламскую программу на государственном телевидении.

Чтобы понять, как ислам воспринимается в российском обществе, рассмотрим еще один ряд слов, достаточно активно употребляемых в повседневной речи. Это русские имена прилагательные *мусульманский* и *исламский*. Сами по себе — это относительные прилагательные со значением «такой, как у мусульман, связанный с мусульманами» и «такой, как в исламе; связанный с исламом». Взятые изолированно, без контекстов, эти слова только называют что-то, не содержат никакой — ни плохой, ни хорошей — оценки. Но вот уже в речи слова получают оценочность.

Недовольство исламом в российском обществе возникает не столько на бытовом уровне (как правило, внешне большая часть российских мусульман мало чем отличается от представителей других конфессий и не акцентирует внимание на своих религиозных воззрениях), сколько на уровне психологии отдельной личности и всего общества в целом. Причинами тому стали и две чеченские войны, и страшные теракты в Дагестане, на Ставрополье, в Москве, в Волгодонске, после которых для большинства россиян слова *ислам* и *терроризм* стали синонимами и однозначно связанными друг с другом. В подборке из 577 текстов, включающих слово *терроризм* в Национальном корпусе русского языка,

¹ <http://newsland.com/news> Режим доступа 26 октября 2012 г.

² Ван Дейк Т. А. Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических меньшинствах // Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.

встречаем весьма показательные: «Первична наша готовность к тем вызовам, которые предъявляет нам время — НАТО это, или Китай, или мусульманский терроризм. (Александр Казинцев. «Псков предлагал другой путь...» (2004) // «Наш современник», 2004.10.15); «В России исламский экстремизм и терроризм начал заметно проявлять себя с середины 1990-х гг.» (Мария Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (2 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01); «Исламский экстремизм и терроризм несет угрозу России и как внутривнутриполитический (теракты, совершаемые исламскими радикалами, захват заложников, угон самолетов и т. п.» (Мария Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (2 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01); «Общественное мнение, пораженное в последнее время многочисленными и повсеместными террористическими актами, во-первых, связывает терроризм и ислам, во-вторых, забывает о том, что история террора насчитывает много лет и имеет глубокие корни в европейской политической традиции. » (Александр Механик. Отсчет террористов (2004) // «Эксперт», 2004.12.06] (*курсив наш. — Ф. Ф.*); «Место враждебной варварской периферии в рамках неоримско-имперской версии руководства миром в стиле Рах Американа занимает пресловутая «ось зла» (куда может угодить любая ставшая неугодной страна), арабский терроризм и на будущее единая исламо-китайская опасность.» (И. Л. Андреев. Россия: взгляд из будущего (2003) // «Вестник РАН», 2004) и др¹.

Как представляется, подобные тексты не столько отражают личное, групповое или общественное мнение, сколько создают питательную среду для культивирования негативного образа ислама и мусульманина в нашей стране. В художественной форме неприятие ислама на бытовом и нормативно-ценностном уровне было показано в фильме С. Хотиненко «Мусульманин». Но и современный интернет дает пищу для размышлений на эту тему, поскольку с завидной частотой организует обсуждения типа *ислам — религия рабов; ислам — религия нищих; ненавижу ислам; ислам — зло; ислам плох* и др.

Являясь поликонфессиональным государством, Российская Федерация вынуждена на государственном уровне обращаться к вопросам религии, атеизма, веротерпимости и т. д. Примеров тому можно найти множество. Это и указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», это и введение предмета «Основы религиозной культуры и светской этики» для учащихся 4–5-х классов общеобразовательных школ, когда родителям предлагалось выбрать для изучения их детьми один из шести модулей — «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных

¹ <http://www.ruscorpora.ru/>

культур», «Основы светской этики». Не пытаясь дать анализ программ данного курса, отметим лишь то, что главная сложность в его преподавании связана с коннотативной нагруженностью значений многих слов, связанных с верой. В интерпретации одного и того же факта представителями разных культурно-языковых и религиозных сообществ часто и проявляется *конфликт культур*. Если для мусульманина принесение в жертву животного — благо, то для не мусульманина — кровавый «варварский» обычай; для мусульманина быть *шахидом* — это хорошо, потому что шахид не только *мученик*, но еще и *свидетель перед Аллахом*, для не мусульманина *шахид* (*шахидка*) — это плохо, потому что они террористы-убийцы, которые взрывают себя и других, используя *пояс шахиды-смертника*). Объем понятий, стоящих за каждым из названных слов, различается и в смысловом плане, и в оценочном. То же самое можно сказать применительно к словам *платок*, *хиджаб*, *пост*, *Аллах* и *Бог* — к самым, казалось бы, простым и понятным.

Таким образом, вторая исламская нота в российской культурной симфонии не светлая и приятная (*Ислам — религия мира и добра*), а благодаря современным СМИ и Интернету — устрашающая (в русском языке исламские слова приобретают иные смыслы и становятся символами совершенно других понятий).

Слово не живет в изоляции: оно всегда включается в контекст, соединяясь в речи с другими словами. Иногда такие связи неожиданны, чаще — предсказуемы. Обратившись, например, к сочетаемости глагола *верить*, можно увидеть, что *верят* в Бога, в любовь, в дружбу между мужчиной и женщиной, в лучшее будущее, в торжество справедливости, в Россию («в Россию можно только верить» — Ф. Тютчев) и т. д. Эта сочетаемость отражает представления народа-носителя языка, а также привычные для него связи между явлениями действительности. Если обратиться к сочетаемости слов, связанных с исламом, то можно увидеть весьма показательную картину. Слово *исламский* в НКРЯ сочетается со словами: *джихад*, *халифат*, *мир*, *терроризм*, *экстремизм*, *фундаментализм*, *радикализм*, *политик*, *переворот*, *фанатизм*, *фанатик*, *сатанизм*, *мистицизм*, *фронт*, *факультет*, *ренессанс*, *центр*, *институт*, *призыв*, *фактор*, *режим*, *полк*, *список*, *культурный центр*, *Иран*, *пояс* (*тюркско-исламский пояс вокруг России*), *клуб*, *социализм*, *проект*, *батальон*, *суд*, *судья*, *восток*, *образ жизни*, *государство*, *интернационализм*, *общественный порядок*, *банк*, *расизм*, *законовед*, *рай*, *характер*, *руководитель*¹.

Слово *мусульманский* является определением к следующему кругу слов: *халифат*, *террор*, *терроризм*, *фанатизм* (впервые отмечено в 1898 г.), *фундаментализм*, *экстремизм*, *национализм*, *сепаратизм*, *лидер*, *квартал*, *пост*, *анклав*, *район*, *мир*, *праздник*, *полумесяц*, «*салам*», *народ*, *калиф*, *центр*, *пророк*, *кривой для убийства* *наточенный нож*, *бог*,

¹ <http://www.ruscorpora.ru/>

*батальон, легион, имам, храм, календарь, Навруз, лозунг, союз, вопрос, лазарет, стол, головной убор, Восток, чисто*¹.

С одной стороны, они соотносятся с понятиями, связанными с исламом, его символикой (*полумесяц, имам, календарь*) и некоторыми из его течений (*радикализм*), с религиозным образованием (*университет, факультет*) или проявлениями в жизни светского государства (*культурный центр*). Они соотношены с мусульманами, которых отличают внешние признаки, образ жизни, определенный исламом: *квартал, район, пост, праздник*. Здесь отражены нормы права (*суд, судья*), участие в военизированных подразделениях (*легион, батальон, полк*) и многое другое. В этих случаях слова *исламский* и *мусульманский* просто называют реалии окружающего мира, поэтому они лишены какой-либо оценочности. Однако гораздо употребительнее клишированные обороты, в которых слова *мусульманский, исламский* получают негативную оценку, а само явление, называемое клишированными оборотами, воспринимается русскоговорящими людьми как нечто плохое, опасное, страшное: *исламский терроризм, исламский экстремизм, исламский фундаментализм, исламский радикализм*. В текущем году особенно актуализировалось клише *Исламское государство (ИГИЛ)*.

Если сравнить сочетаемость слов *мусульманский, исламский* с прилагательным *православный*, то можно увидеть другую картину. Это слово сочетается со словами *лоббист, мирянин, храм, собор, христианин, праздник, священник, характер, дворянин, взгляд, сайт, центр, приход, монах, банкир, поп, крест, молитвенник, молодежный портал, мир, народ, предприниматель, пастырь, собор, человек, словарь, молитвослов, лицей, клуб, путь, лагерь, фактор, антиглобализм, восток, новодел, философ, компонент культуры, менталитет, автор, историк, мультфильм, антикоммунизм, патриотизм, президент, дядя, институт, факультет, календарь, оплот на Кавказе, канал, великоросс, миссионер, батюшка, писатель* и некоторые другие (отметим такие единичные словоупотребления, как *православный татарин, православный мусульманин, православный атеист*). В данном кругу слов нет таких, которые имели бы отрицательную оценочность! Это значит, что, вопреки распространяемому сегодня мнению о потере влияния РПЦ на современное общество, речевые произведения — тексты СМИ, толстых журналов, художественные произведения и публицистика — отражают исключительно позитивный образ православия и православного христианина. Из этого следует, что третья исламская нота в российской культурной симфонии — четкая и резкая: то, что связано (или связывается) с исламом, воспринимается русскоговорящим населением РФ как опасное, страшное, нередко — враждебное.

Вероятно, не последнюю роль в этом сыграло и то, что сам ислам неоднороден, что он оценивается в СМИ как арена непрекращающейся

¹ <http://www.ruscorpora.ru/>

борьбы. Приведем очередную серию примеров из Национального корпуса русского языка, подтверждающую сказанное: «В исламе, например, два основных течения — *сунниты* и *шииты* — считают друг друга еретиками» (В. А. Якобсон. Терроризм, журналистика и читатели // «Звезда», 2002); «Очевидно, что в нем должны быть и *шииты*, и *сунниты*, и курды» (С. В. Лавров. Интервью российским СМИ по итогам переговоров с К. Аннаном (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.06.29); «Единоверцы могут с наслаждением резать друг друга (как это делают *шииты* и *сунниты*), компаньоны могут со сладострастием предавать друг друга при серьезной сделке (как это делают французы и англичане)». (Игорь Мартынов. Сочетание стихий — 97 (1997) // «Столица», 1997.12.08). От себя добавим, что очень неприглядно выглядит противостояние суннитов и шиитов на Интернет-форумах (здесь сыплются оскорбления в адрес друг друга, пыльным цветом буйствует русский мат, который соседствует с цитатами из Корана).

Интернет играет очень существенную роль в формировании образа ислама и его последователей, а также в их последующей бытовой и юридической оценке. Так, например, в многочисленных закрытых мусульманских группах осуществляются активные перепосты фильмов о муджахедах, вербовка в ряды последних, сообщения о необходимости перечислить денежные средства для отбывающих наказание за экстремистскую или террористическую деятельность. Распространение подобной информации само становится поводом к возбуждению уголовных дел по фактам оправдания или одобрения терроризма и экстремизма.

Таким образом, проанализированный нами языковой материал, извлеченный из разнообразных Интернет-источников, показал, что в российской культурной симфонии действительно звучит исламский мотив, однако воспринимается он русскоязычной частью российского общества как агрессивный, опасный, чуждый и, значит, впереди нас ожидает непростой путь к пониманию через полноценный диалог культур.

Литература

Александрова О. И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: дисс... канд. филол. наук. — М., 2010.

Ван Дейк Т. А. Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических меньшинствах // Язык. Познавание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.

Гилязетдинова Г. Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси. — Казань, 2011.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. — М.: Агентство «ФАИР», 1998.

Левада Ю. Религия // 50 / 50. Опыт словаря нового мышления. — М.: Прогресс, Пайо. 1989.

ISLAMIC MOTIVE IN RUSSIAN CULTURAL SYMPHONY

Fenia F. FARKHUTDINOVA

Dr. Sci. (Philol.), professor of the
Department of Practical Russian, Ivanovo
State University (39, Yermak St., Ivanovo,
153025, Russian Federation).
E-mail: fenfar@mail.ru

Abstract: Drawing on a wide factual material extracted from the Russian National Corpus and Internet sites, the article shows how certain facts of Islamic culture, reflected in the words of the Russian language, are perceived by Russian-speaking community and what estimation they receive at the same time.

Keywords: the Russian lexis, attitudinal meaning; clash of cultures, dialogue of cultures

